

Дмитрий Касаткин

СОСЛУЖИВЦЫ

Дмитрий Михайлович Касаткин

Сослуживцы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73416098

SelfPub; 2026

Аннотация

Краткий художественный очерк о революции в России, ее последствиях, жертвах и одной любви.

Содержание

Сослуживцы	4
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сослуживцы

Сослуживцы

Не сеятель сберет колючий колос сева,
Принявший меч, погибнет от меча,
Кто раз испил хмельной отравы гнева,
Тот станет палачом, иль жертвой палача.
М. Волошин.

Память ребенка – это страшная или смешная сказка для взрослого, проступающая сквозь грубый холст его жизненного опыта, как дымчатое сфумато девственных впечатлений. Нам уже не преобразить сбивчивых образов бывшего юношества, которые с годами становятся лишь более размытыми и диковинными. Но все же что-то остается неизменным.

Рота Леонида была собрана по кусочкам из тех, кто чудом уцелел в сражении: даже после самой кровавой бойни остаются выжившие, которые уже никому не интересны. Одного засыпало землей от взрыва, второго завалило трупами своих товарищей, третьего контузило, и он потерял сознание, четвертый спрятался в выгребной яме и уцелел, пятый был настолько изранен и окровавлен, что его уже не приняли за живого. Когда ночь накрывает истерзанную землю, безжизнен-

ное, окутанное черным, въедающимся во тьму дымом, поле начинает шевелиться. Очумевшие воины угрюмо плетутся домой. Одних находят и добивают, другие истекают кровью, так и не успев вернуться к своим, многие путают стороны и приходят напрямик к врагу, где попадают в плен, но есть и те, кто выживает. Родина скупой и равнодушно принимает сыновей, распределяя их по новым подразделениям. Так вышло, что в роте Леонида были сплошь такие солдаты. Вероятно, судьба смилостивилась над ними, и роту оставили вдалеке от активных военных действий. Хотя ни судьбе, ни Богу едва ли удастся услышать голоса вопиющих – сквозь грохот взрывов и стон миллионов.

Шел седьмой день тишины и оцепенелой окопной жизни. Рота понемногу притиралась друг к другу: «Досадно было, боя ждали!» С другой стороны, ощутив повсеместную ледяную смерть и теплое касание чуда, бойцы стали робко надеяться, что могут остаться в живых, и опасались рушить эту хрупкую веру. В одном километре от окопа стоял старый покосившийся коровник, куда попеременно бегали ночевать солдаты. Там было много сена. От деревни не осталось камня на камне, а коровник уничтожить забыли. Устав не рекомендовал ночевать в заброшенных гражданских строениях, но за линией фронта присутствовало твердое ощущение, что за бойцами никто не наблюдает и не стоит у них за спиной, – потому незначительные вольности иногда дозволялись: пятьдесят человек стерегут окоп, а остальные десять ночуют в

коровнике. Бывало, кто зароется глубоко-глубоко в сено – так тепло, мягко и будто нет войны. Ночь в коровнике выступала своеобразным поощрением, и каждый солдат терпеливо ждал своей очереди. Проснешься до утренней зари, за пару часов до подъема, когда к твоей лежанке уже со всех сторон подступил холод, а стальные скрепы ворот окутаны инеем, и смотришь сквозь щель в стене, как порывистый ветер гнет молодой, дрожащий всем телом, тополь. Вспомнишь про окоп: как сейчас твои однополчане мерзнут там и кутаются в плащ-палатки, как лежат на промерзшей земле, а ты здесь и еще несколько часов можешь себе позволить ни в чем не отказывать. Ветер жутко завывает, но лишь по верху коровника – нижняя часть предусмотрительно проложена досками или подкопана землей.

На дворе стояла середина осени, когда день еще радуется светом и опасливым теплом, а ночи очень холодные и ветреные. В связи с тем, что роту до поры забыли, продовольствие никто не поставлял, и бойцы спасались кто чем может. Повезло, что в одном из разрушенных домов удалось найти подгоревший мешок с мукой, которой питались целых два дня: муку разводили водой, мешали с крапивой и на дырявом ведре пекли лепешки. Но и при минимальном дневном рационе мука быстро закончилась: попробуйте накормить шестьдесят мужиков! Тем более, одной кашей из топора – тут хоть добровольно в бой идти, чтобы добыть себе пропитание. Уже второй день средняя дневная температура

не поднималась выше десяти градусов, а ночью стремилась к нулю. Вдалеке, маленькими черными мухами, кружили вражеские истребители, доносились звуки взрывов и виднелось оранжевое зарево пожаров. Но сегодня все было тихо.

Вопреки расхожему мнению, в мужском коллективе слухи распространяются с не меньшей скоростью и интенсивностью, нежели в женском. Не стала исключением и наша рота. В окопах было не до разговоров, а вот теплый коровник располагал к задушевным беседам, развязывая язык не хуже крепкого алкоголя. Не будь описываемый нами персонаж столь словоохотлив и тщеславен – возможно, ничего бы и не произошло. Но даже у самых сокровенных тайн есть одно неотъемлемое свойство: рано или поздно они просятся наружу. Среди сослуживцев стал распространяться привязчивый слух – будто в роте есть два весьма интересных персонажа с богатым и примечательным прошлым. Если история первого едва ли заинтересует читателя, то прошлое второго имеет все основания стать предметом этого рассказа. Впрочем, как выяснится позднее, не только его.

Среди солдат кто-то прознал, что рядом с местом их дислокации находится крупное болото и, в связи с тяжелой продовольственной ситуацией, хорошо бы пойти и наловить там лягушек. Командир долго раздумывать не стал, а сразу выделил для такого ответственного дела шесть человек, во главе группы отправился сам. Оставшимся было строго приказано: при первом же подозрении на приближение враже-

ских войск зажигать сигнальные шашки и первыми в бой не вступать. Отправились на рассвете, чтобы к обеду вернуться в окопы. Дорога проходила через редкую, изрядно обгоревшую от бомбежек, еловую рощу. Взяв с собой пару дырявых мешков, группа рассчитывала на щедрый улов.

Война не тронула болото, и его лоснящаяся жирной густой зеленью поверхность сохранилась в первозданном виде: гудели сверчки, одиноко журчал скудный ручеек, отчаянно впадающий в вкочущую мглу; на покрытой обильной бахромой мха иве скрипели коростели и, самое главное, отовсюду, словно хрустящий под ногой снег, квакали лягушки. Чтобы ловить их, никакого особого снаряжения не требовалось – достаточно было обладать ловкостью рук и сильно не шуметь. С нескрываемым азартом, бойцы разбрелись по болоту. Всех пойманных лягушек сносили к мешкам. Из полученного улова решили сварить суп. Петр наловил уже больше двадцати лягушек и шел на абсолютный рекорд. Но, пытаясь достать очередную добычу, он не рассчитал рывка и целиком плюхнулся в ледяную воду. Благо, товарищи находились совсем рядом и наскоро вытащили бедолагу – он промок с головы до пят. Остаться в мокрой одежде на холодном ветру и при температуре воздуха, едва приближающейся к пяти градусам, было чревато; отправляться назад тоже нежелательно: так можно и воспаление легких схлопотать, а больной солдат никому не нужен – мало того, что он и сам небоеспособен, так еще и ставит под угрозу товарищей, ко-

торым придется за ним присматривать.

Среди высокой болотной травы, в окружении поваленных и сильно склонившихся к земле деревьев, решили развести костер, отогреть пострадавшего и просушить его вещи. Организовав небольшое костровище из булыжников, бойцы зажгли огонь и щедро набросали в него поломанных веток, прислонив к пламени крупный выворотень, что должно было обеспечить горение на пару часов. Осыпая болото проклятиями, Петр разделся и угрюмо сел у костра греться. Спустя десять минут, к огню подошел командир и расположился на пеньке рядом.

– Давно на фронте?

– Не слишком, я добровольцем пошел. Вообще, меня здесь быть не должно, – Петр закашлялся, – просто так получилось.

– Да никого здесь быть не должно, – Капитан отломил растущий на пне гриб-трутовик и стал вертеть его в руке.

– Жена, дети? – произнося каждое слово, командир будто бы всматривался в солдата.

– И жена, и дети, всё в порядке, – промокшего мужчину била мелкая дрожь.

– А у меня, знаешь ли, так никого и не случилось, – командир сложил руки в замок, – откладывал серьезные отношения на завтра: боялся впускать в свою жизнь гостей – думал обижу чем, подведу. А ныне вот война и «завтра» может не настать, теперь не до этого. Паршивое оправдание не

правда ли?

– Ничего, дело наживное, – Петр усердно отжимал белую майку.

– Как тебя угораздило-то в болото свалиться?

– Хотел переплыть к островку посредине, – мрачно шутил

Петр, – там все лягушки и ютятся.

– Ну, вот еще, – задумчиво отвечал командир, пропустивший фразу солдата мимо ушей.

– Как зовут?

– Петр.

– Откуда родом?

– Екатеринбург, – отвечал солдат, закончив с майкой и просушивая над костром рубаху, нанизанную на ветку.

– Плюшку будешь?

– Откуда это у вас?

– Мне, как командиру, две выдали, а я одну сохранил. Чего я буду шиковать, когда мои солдаты голодают!

Петр протянул руку за плюшкой, но, еще не успев ее коснуться, подозрительно спросил:

– А чего это мне даете? Вон солдат сколько, и не меньше меня голодают.

Пока капитан раздумывал над ответом, Петр поспешно выхватил лепешку и стал жадно жевать, напрягая угловатые скулы. Командир не отводил взор от солдата.

– Говорят, ты и до войны людей убивал?

Петр перестал жевать и подозрительно исподлобья по-

смотрел на командира.

– Приходилось. Родине помогал, – важно добавил он, – кто же ей еще поможет, как не мы? И воевал, и с белыми боролся.

– А меня бы убил? – неожиданно вырвалось у командира.

– Вы это чего? – продолжая уплетать лепешку, отвечал Петр. Я такие разговоры вести не намерен.

– Убил бы, – протяжно и с не скрываемой тоской заключил командир.

– С чего мне вас убивать?

Маленькая лягушка, вовремя почувствовавшая опасность и спрятавшаяся в камышах, выпрыгнула из своего убежища и плюхнулась в воду.

– Так просто, к слову пришлось, – с вызовом сверлил глазами сослуживца Леонид, – маринуемся здесь уже неделю! Заговариваюсь чай. Чего быть, того не миновать.

– А вы командир откуда?

– Почти земляки мы, – с каким-то надрывом произнес капитан.

Посчитав, что соблюл все приличия в разговоре с командиром, Петр замолчал.

Но у Леонида еще остались вопросы.

– Как сюда-то попал?

– Я же говорю, случайность, – лицо Петра стянуло морщинами скрытого негодования. Воюют некоторые как попало, потому и разбили нас. Уж я скольких стрелял, стрелял,

да штыком колол! Да, но вижу, что вокруг уже нет никого, лишь одни немцы. Ну, я сдернул с одного мертвеца китель со штанами и, пока добивали оставшихся, кровью себя измазал и тихо прилег, – Петр рассказывал о своих военных подвигах с явным упоением, – а когда они трупы с поля боя собирали и везли к себе в тыл, получилось из грузовика выпрыгнуть на полпути да убежать.

– Ловко, – буднично отреагировал Леонид.

– Не потерял хватку, – щелкнул пальцами Петр.

– Значит поднаторел в убийстве? – Железным тоном, похожим на тон следователя, не унимался командир.

– И до войны убивал, – немного удивился настойчивости капитана Петр, – революцию своими руками вершил.

– Ясно, – тяжело выдохнул Леонид, будто получив признание, – и не жалеешь?

– А что жалеть, – фыркнул Петр, – я за дело убивал!

– И что, всех так уж и за дело?

– Я счет не вел, но определенно не за просто так точно!

Леонид напряженно размышлял, с каждым словом солдата становясь все печальнее и задумчивее.

– Вот убил ты – и что, думаешь, мир изменится?! Скольких уже убили, а мир все не меняется – даже хуже стал. А жить-то в этом мире тебе. Получается, ты только себе хуже сделал. Людей убивать нельзя, вот ты убил – совесть свою замарал, так грязным и помрешь.

– И что же, враг на вас пойдет, не убьете? Поди не успеете

ему сказать, что он себе же хуже делает.

– Убью, грех на душу возьму, а убью.

– А вы верующий что ли?

– Какой я верующий, у меня даже креста нет. Дак то враг!

Тут все по-честному, – Леонид глубоко вдохнул носом холодный болотный воздух, – я часто ночью просыпаюсь и оторопь берет: все в таком далеком прошлом, а будто я по-прежнему там – в своей памяти, как в застывшем куске льда.

– Где там-то? – хмуро и без интереса спрашивал Петр.

– А правду говорят, что пули отскакивали от одежды барышень, – неожиданно, будто каждым последующим словом вскрывая себе плоть, – заговорил Леонид.

– Что? Нахмурился Петр, оглядываясь по сторонам, будто ища в окрестностях невидимого суфлера.

Капитан скрестил пальцы и, упершись лбом в костяшки, продолжил:

– Нас все куда-то возили: сначала в Тобольск, потом в Екатеринбург; приезжали незнакомые люди, вокруг – ужасная суета, все что-то решают, хмурят лбы, спорят, пререкаются. Сначала везут в одну сторону, затем резко меняют маршрут, петляют точно спрятать хотят, да не знают куда. Мне никогда прежде не доводилось кататься на поезде, а тут пришлось несколько дней трястись в этом громоздком и стальном червяке. В Екатеринбурге на вокзале целая демонстрация. Собралось столько людей – и все в одном месте! Я даже немного оробел, но любопытство пересилило, и я вы-

бежал к окну, смотреть на толпу: мужчины, женщины, малые дети – всем интересно прибытие поезда. Глядь – лица покраснелись на морозе, глаза таращат, кулаками сыплют. Среди толпы колосятся ружейные штыки. Поезд остановился, кто-то сошел на перрон и поспешно направился к встречающим. Несмотря на всеобщий гвалт, я отчетливо слышал – ругаются. Облаченный в черную шинель мужчина с острой бородой, что первым встречал нас на перроне, – очевидно, главный, ожесточенно махал руками и указывал на поезд. Сошедший с поезда топал ногой и нервно поправлял съезжавшую папаху. Окно открыто – сквозняк, а я в одной маечке; но если закрыть, то совсем ничего слышно не будет. Остробородый уверенно басил и ему громогласно вторила толпа. При очередном взмахе рук предводителя, словно круги на воде, среди встречающих расходилось всеобщее волнение. Молодая женщина посадила себе на плечи свою дочь, чтобы той было лучше видно спорящих. Тогда они показались мне такими смешными – того и гляди, драться начнут. И чего это все с нами так возьмется? – Леонид горько усмехнулся, – спустя несколько минут ожесточенного спора забурлило еще какое-то движение, но теперь со стороны поезда. Я уже всю шею свернул, стараясь за всем уследить: из окна высовываться нельзя, но и хочется ничего не упустить. Толпа будто стала наступать на мужчину с нашей стороны, но после того, как у поезда кто-то выстроился, встречающие стали поспокойнее. Зато пуще прежнего бесновался предводи-

тель толпы и все кивал в дальний угол перрона, где мелкими серо-зелеными точками также собрались люди. Под окном проплыли еще несколько папах и буденовок. Мне показалось, что стреляли, но это всего лишь с крыши привокзального зала ожидания свалилась плохо закрепленная водосточная труба. Толпа продолжала наседавать, оттесняя мужчину к поезду. Я никак не мог понять: одни в папахах и буденовках, другие такие же – чего им делить? Одно же дело делают! Чего попусту спорить? Ситуация казалась патовой: еще чуть-чуть и разъяренные граждане растерзают спикера и ворвутся к нам. Их уже перестала смущать охрана вокруг поезда, которую я успел хорошо разглядеть. Но, по чудному стечению обстоятельств, с первого пути раздался гулкой звук пребывающего состава. Откуда он возник, кто его ждал – я не знаю. Но этот состав, будто передвижная стена, отгородил нас от возмущенной толпы: они застыли и растерянно смотрели, как стальной бегемот проглатывал горизонталь рельсовой дороги; встать на пути состава никто не решился, остановить его было уже невозможно, и оставалось только ждать. Это и дало нам пару спасительных минут, чтобы начать движение и покинуть злосчастный вокзал. За окном снова стали мелькать размытые акварели серого и холодного города: покосившиеся пьяные избы, железнодорожные пути, покрытые угольной пылью склады, раскоряченные грузовые эстакады и редкие низкорослые сосенки. Какая темная и заповедная глушь: далеко за горизонт распростерлась усеян-

ная тысячами проталин нетронутая целина – раздолье для дикого зверя, а уже за горами сверкает изумрудное плато сибирских степей. Особенно сильные порывы ветра приносили колкую снежную рябь. У переезда на водонапорной башне сидел мужчина с гаечным ключом и закручивал зависшее над головой облако. Было тревожно, я, уже порядком озябший, ходил из одного вагона в другой – со мной никто не разговаривал. Окно, под которым я слушал сцену на вокзале, так и осталось открытым. Ехали не больше часа. Я уже успел одеться и покорно ждал, что случится дальше.

Прозвучал уже знакомый гудок, легкими мурашками пробегая по затекшей от длительного сидения спине. Пассажиры в соседних купе зашевелились и шумно, расправляя мятое одеяние, заполнили холодный тамбур. До остановки оставалась пара минут. Паровоз уже начал сбрасывать пар и медленно сбавлять обороты. Шипение, перемежаемое стуком вагонов, угрожающе нарастало. Интересно – что на этот раз ждет нас на станции? Вот уже и дымовая труба будто закашлялась, выпуская последние облачка густого пара. Протяжный лязг означенвал торможение. Затуптали десятки сапог: солдаты спешно покинули паровоз. Затушив тлеющую сигарету о табличку «не курить», командир махнул рукой в мою сторону.

– Вылезай! Первый пойдешь.

Когда я спрыгивал с паровоза, мне показалось, что нас решили ссадить в поле: уж слишком неприметным оказа-

лось, похожее на деревянный барак, здание станции. Здесь нас встречал лишь подвыпивший станционный смотритель и лопухий стрелочник в одной телогрейке на голое тело. К месту остановки уже мчались три автомобиля, покачиваясь на лежалом снегу, словно рыбацкие шлюпки на волнах. Подпустив их вплотную к паровозу, командир сделал характерный жест руками.

– Хорош! Выводите гостей! Родителей сажаем вдвоем. С ними три охранника. Дочь отдельно. И еще, – раздраженно задумался он, – поваренка куда-нибудь пристроите.

Когда из паровоза вывели отца семейства, меж солдат воцарилось гробовое молчание, как перед оглашением приговора. Глаза десятков мужчин устремились на стройного бородача в строгой, плотно подпоясанной шинели. Трудно себе представить, что творилось в головах молодых бойцов, которые еще вчера с опаской взирали на сверкающий пренебрежительным величием трон, а сегодня вольно попрали его мнимую святость. Немая сцена длилась всего несколько секунд, но даже за такой краткий промежуток, обладающий сносным воображением, мог почувствовать, как несокрушимое имя с реющих флагов Первой мировой войны сухим валежником потрескивает в зачинающемся костре. Пронизываемый десятками взглядов, мужчина стоял прямо, как перед строем. Оставалось лишь торжественно отдать честь. У одного из солдат потянулась правая рука к виску, но командир тут же сбил руку.

– Ты очумел?!

– Извините, я просто почесать нос, – смутился солдат.

Вслед за отцом семейства вышла его испуганная супруга с дочерью. Любопытный стрелочник встал за спинами солдат и порывался разузнать – что происходит, но был тотчас спроважен на порядочное расстояние.

Леонид рассказывал, будто продолжая смотреть в окно поезда, который следует из Тобольска в Екатеринбург.

– Меня втолкали на заднее сидение в скрипучий автомобиль. Дверь захлопнулась. Мы двигались впереди, за нами автомобили с членами семьи. Так наш тюремный кортеж и въехал в дымящий десятками труб город. В городе неразбериха, за окнами развиваются красные флаги. На улицах баррикады, на дорогах патрули. Устав на это смотреть, я уткнулся лбом в переднее сидение и задремал. Разбудили меня уже к приезду. Холодно, изо рта пар, вокруг белым-бело. В поезде я где-то оставил свою шапку и вышел на мороз с непокрытой головой. В один из автомобилей прилетел увесистый снежок, оставив искристый след. Увидев, что из экипажа выходят десяток солдат, мальчишка, бросивший его, закусил губу и тут же исчез, впопыхах задев ветку березы, с которой осыпался снег, вызвав негодование примостившихся на ветках ворон – как же их здесь много! Солдаты быстро расконцентрировались по улице, создав живой забор вокруг кортежа. Так, под жидкие аплодисменты автомобильных дверей и топот сапог меня встретило наше новое жилище. Дом кра-

сивый – в конце снежного апреля, как белый мел на бледно-серой скатерти промышленного пейзажа! Наверно строили для важной особы: строгие углы, ровные арки, изящные карнизы, филенчатые наличники, арочные фронтоны и темные занавешенные окна. Такой дом, что аж жить страшно. Только забор вокруг него какой-то странный – как бельмо на глазу посреди всей улицы. – Леонид отвлекся от повествования, – не обладаю красивым слогом, чтобы все описать, да и помню уже смутно, но, в общем – заселились: спешно встретили, спешно ссадили с поезда. Меня сразу оттеснили в сторону и отвели за руку в дом. Как выводили остальных, я уже не видел, но охранники постоянно оглядывались и очень торопились. Тот, кто меня вел, так вцепился мне в руку и так сильно тянул, что споткнись я – он поволок бы меня по земле, не дав встать. Солдаты перекидывались короткими фразами, из которых я ничего не мог понять и только, как дурной, вертел головой. Меня посадили на высокий табурет и велели не трогаться с места. За стеной разгорался скандал. Сначала глухо, словно в печи занялась сырая береста, а затем всё громче и яростнее. Я, вжавшись в табурет, слышал, как дрогнул и сорвался на визг женский голос. В ответ ему прозвучал номенклатурный командирский тон – бесстрастный и вкрадчивый, – после чего послышался глухой металлический звук, и всё стихло.

По дому разбредались беспорядочно. Никакого плана организации быта не составляли. Комендант задумчиво ходил

по комнатам и чесал бороду. Солдаты разбились по кучкам и расслабленно курили под звук командирских каблуков. Занимать комнаты не спешили – толпились в дверях и коридорах, ожидая развития событий. Повисло тягучее ожидание приказа. Дверь открыта, и в коридоры заползал своевольный холод умирающей зимы. Комендант прислонил лицо к оконному стеклу и глубоко выдохнул густым паром на его запотевшую гладь.

– Что, товарищи, главную задачу мы выполнили, но не время расслабляется! Нам теперь здесь жить. Все необходимое будут подвозить в течение недели, а сегодня от нас требуется максимально подготовить дом к «майским праздникам»!

– А не завтра ли праздник? – нашелся находчивый солдат.

– Угадал! – командир выводил крест на мутной пелене стекла, – значит сегодня все должно быть готово!

– А мы праздновать будем? – продолжал потешаться паяц.

Комендант, будто от духоты, расстегнул верхнюю пуговицу бушлата, хотя было очень даже холодно. Вечерело, тяжелый день пережит, но до ночи нам предстояло еще много работы, чему смурной командир совсем не радовался.

– Мы уже празднуем! Заткните кто-нибудь там весельчака! – Протер тыльной стороной ладони заспанные глаза он, – запомните все – вы теперь не сталевары, а бойцы доблестной советской армии. Ныне живем по уставу. Как обоснуемся здесь – доведу до всех его основные положения. Аре-

станты будут на втором этаже – обращаться к ним по имени-отчеству. Если имени отчества не знаете – то на вы. Я не в курсе, как они жили в Тобольске, но теперь курорт для них закончился! И главное – чтобы я больше не слышал ни от кого фальшивых титулов! Дом осмотреть по периметру, шесть человек охраны во дворе, на втором этаже еще пятеро, остальные здесь. Подготовиться к провокациям и диверсиям – держать ухо востро, оружие наготове, чтобы ни у кого даже мысли не возникло к нам сунуться! Детальные инструкции поступят в ближайшее время от Уралсовета. Завтра распишем распорядок дня, – хрустнул пальцами он, – и кто-нибудь мне скажет – где здесь туалет?!

Входную дверь захлопнули, сталевары встали на озвученные позиции, на входе остался лишь один солдат. Меня сначала долго держали в помещении рядом с прихожей, а потом повели куда-то наверх, там и поселили вместе с одним солдатом.

Вероятно, бывшие хозяева дома в спешке покидали свое жилище, без надежды вернуться, и вывезли почти все, что представляло бытовую ценность. На кухне лишь пара немытых кастрюль с заскорузлым нагаром по бокам. Печи не почищены, водопровод не работал или был еще не готов для эксплуатации, воду не натащкали, во дворе дров для печи с гилькин нос, пыльно, еще и мы снега с грязью нанесли. Комендант куда-то ушел.

– Ну что, работать будем? – попытался взять инициативу

над сталеварами особо активный солдат.

– Ага, под ночь, да еще и в незнакомом доме! Нам это надо?

– Командир заругает!

– Он поди уже заперся в одной из комнат и дрыхнет без задних ног!

– Так, – насупился солдат, – вы не забываете, где и с кем находитесь!

– Мы-то не забываем, – обступили его сталевары, – но и ты не зарывайся! В начальника захотелось поиграть?

– Давайте хотя бы дрова натаскаем и печи затопим, – видя численное преимущество работяг, сменил тон солдат, – сами же околеем к утру.

– И то верно, – закивали мужчины, – как здесь топить?

– А я знаю?!

– Дом козырный, – со знанием дела рассуждал плечистый сталевар с опаленным ухом, – здесь бойлерная должна быть. Если топят углем, может даже дров таскать не придется. Что, пошли искать!

Трое мужчин углубились в дом.

– Не стой, давай тоже работай, – подхватил инициативу повар.

– И что мне делать?

– Иди кастрюли мой, и учти, чтобы к утру блестели, как новые!

– Чем же мыть, воды-то нет?

– Сейчас спросим у солдат.

Повар попытался открыть окно, чтобы окликнуть охрану во дворе, но щеколду заело, и, оставив безуспешные попытки, ему пришлось выйти за дверь.

– Товарищи, не подскажите, где здесь можно набрать воды?

– Кажется, Степка местный, он может знать.

– И где он? – надул губы повар.

– Это сам ищи!

– Вот зараза! – в сердцах топнул ногой он.

– Чего? – принял это на свой счет солдат.

– Нет-нет, – сдаваясь, поднял руки повар, – я в целом про ситуацию.

– Кто меня звал? – прозвучало из темноты у ворот.

– Вы Степан?

На свет разухабистой походкой вышел седовласый мужчина с длинной шеей, чем-то похожий на пестрого баклана.

– А ты кто?

– Я повар...

– Когда ужин? – развязно почесал живот Степан.

– Воды бы сначала, может, вы знаете, где достать?

– А ужин будет?

– Сегодня нет, – вздохнул мой начальник.

– Какой же ты тогда повар?

– Дайте хоть осмотреться для начала...

– Ладно, – кадык Степана заходил ходуном, – без воды ни

сюды ни туды... Иди к монастырю – там колодец. Наберешь пару ведер, хоть ребят напоишь.

Повар кивнул и направился к воротам.

– Кода пошел?! Ведро возьми!

Натаскав воды, мы составили полные ведра в гостином зале на первом этаже и лениво сели на пол, не имея ни малейшего желания продолжать работу; позже к нам присоединились еще шесть сталеваров. За окном кромешная темнота и завывает ветер, застывшее время шепчет странную колыбельную. Мы уже порядком пригрелись и, закутавшись в шинели, сидели на полу, прижавшись к стене, как нахохлившиеся снегири на ветках. Сталевары – преимущественно молодые люди с едва проступающим пушком зачинающейся бороды, кто еще не привык к беспрекословному исполнению приказов. Начальник уже спит, арестанты под стражей – но это на втором этаже, где дежурят настоящие солдаты. А мы чего? Можно и поспать – час-два, ведь ни с кого не убудет? Повар достал из котомки две буханки зачерствевшего хлеба.

– Разбирайте. Чем богат. За ножом не пойду – потому рвите.

– Зачем же, – выглянул из шинели сталевар, – у нас и свое есть.

Щелкнул перочинный нож. Нарезав хлеб на восемь крупных кусков, мы жадно проглотили его черствую плоть и, запив холодной водой из ведра, отдались полуночному тревожному сну.

– Вы зачем мне это все рассказываете? – хмуро отозвался

Петр.

Проигнорировав его слова, Леонид продолжил.

– В течение ночи и всего следующего дня дом стал заполняться и оживать: зажигался свет, благословляя строгие углы добрым и щедрым теплом, раскрылись двери, вносили вещи, которых, впрочем, было определено недостаточно, чтобы создать на такой большой площади уют. Заработала кухня, настраивая постояльцев дома на сладостное предвкушение долгожданного обеда после долгого пути. Вообще, как мне кажется, для любого дома или помещения, которое осмеливаются так называть, кухня – это сердце. Только она гонит кровь по стальным трубам его артерий, все становится таким простым и понятным: хочешь сделать человеку добро – просто посади его за стол и дай чаю с баранками.

Петр терпеливо слушал капитана, очевидно, уже решив, что тот выжил из ума. Вещи все не сохли, а ему уж очень не хотелось бегать на сквозняке ветру в мокрой одежде. Пришлось остаться.

– В отличие от Тобольска, условия пребывания в усадьбе были достаточно суровыми: никаких внешних контактов, никакого общения с охраной, запрещалось выходить за пределы забора, прогулки семьи были резко сокращены, охрана демонстративно холодно относилась к узникам. Но пока все происходило довольно мирно и пристойно. Тем более, деревенского мальчишку, которого дядька каждый второй

день нещадно воспитывал ремнем и давал подзатыльники за здорово живешь, это совершенно не смущало. Меня посылали по разным мелким поручениям: то воду принести, то самовар заварить, то дров для камина наколоть, то затащить тяжелые мешки с сахаром, – Леонид усмехнулся, – главное весь дом полон здоровых мужиков, а мешки таскать посылают сопляка! Но ничего – мне даже в удовольствие было. Я воображал, что такие крупные дядьки и мешок с сахаром не могут поднять, а я могу и даже, по-ребячески, красовался перед охраной, взваливая ношу на одно плечо.

Расставив охрану на позиции, по коридорам, бормоча себе под нос, прохаживался озабоченный комендант.

– Кроватей категорически не хватает. Не сколачивать же самим! Кому-то придется лечь на полу. Эй ты, – обратился он к худощавому солдату с заячьей губой, – ты же снабженец на заводе? Значит так: сейчас пройдешься по дому и запишешь – чего нам не хватает! А я позже передам информацию Уралсовету.

Весь день прошел в хлопотах, потому вдоволь наевшись каши, которую приготовили солдаты, я спал без задних ног. Утром играли в карты с охраной. Дом уже успел полностью прогреться, и ходить по комнатам можно было без кофты. Мы приехали первыми, позже должны были прибыть остальные члены семьи. Включая охрану, служителей и меня, в доме находилось около двадцати человек, но даже при таком количестве всем нашлось, где поместиться: многоком-

натный дом, будто упрямый носорог, упершийся в склон, несколько сараев, беседка и сад. Подойдешь к зданию с одной стороны – будто один этаж, а с другой – целых два. Для одного человека такое жилище слишком одиноко и дорого, потому, вероятно – это был отель или пансионат. Говорили, что мы находимся в бывшем доме зажиточного железнодорожника, но я не верил слухам. Это же сколько надо железных дорог протянуть, чтобы заработать себе на такие хоромы! Комнаты дома просторные, строгие, даже грубые, будто помещения канцелярии с присущей им хладнокровием. Паркетные чистые полы, которые издавали приятный деловитый цокот при соприкосновении с сапогами. Высокие потолки – вдвое выше человеческого роста. Хотелось незаметно подойти и выковырять немного штукатурки из стены, чтобы придать ей жизни. Когда меня вели на чердак, я заметил на втором этаже огромное чудовище таксидермии, застывшим караульным охранявшее покой дома.

– Какой еще таксидермии, капитан? – возмутился Петр.

– Да было там одно чудовище, – Леонид почесал недельную щетину, – поначалу мне казалось, что одно... Стали жить, устраиваться и привыкать. Отголоски минувшей зимы упрямо звучали легким предутренним снегом с дождем, по вечерам свистел неугомонный майский ветер. Редко, наполняя сердце непрощенной тревожностью, звонил телефон. Кроме коменданта трубку брать никому не разрешалось, и если он не успевал вовремя добежать, то оставалось толь-

ко гадать, что еще нам готовит грядущий день на том конце провода.

За неделю я облазил все дозволенные окрестности особняка. Дядька, предварительно смерив меня строгим взглядом, одолжил шапку с наспех пришитой к ней красной звездой из шерсти. Впрочем, символика мне была совсем не важна – главное, чтобы уши не мерзли. А поводов для холодных ушей было предостаточно: май выдался чрезвычайно негостеприимным. Если дом неплохо отапливался, то на чердаке пар валил изо рта не хуже улицы. Чтобы сберечь малую толику тепла, приходилось баррикадировать себя по кругу хозяйственным инвентарем, испорченной мебелью, прокладывать все это половыми тряпками и ложиться спать не раздеваясь. Солдат, что делил со мной чердачное помещение, был до невозможности молчалив и безынициативен: он смиренно садился на перевязанные бечевкой старые газеты, клал руки на бронещиток пулемета и по несколько часов мог смотреть в окно.

Пулемет на чердаке появился не сразу: через несколько дней после нашего прибытия, ночью во двор въехал крытый грузовик, из которого спешно стали выгружать оружие, бомбы и боеприпасы. Спустя полчаса строгий и представительный дом превратился в настоящий военный склад. И подумать страшно, к чему могли готовиться военные – неужто ко второй революции? Кто теперь и за что воюет – не разобрать. Кто взял поводья этой мятежной и оголтелой упряжи? На

улице то и дело истошные крики, по вечерам с площади доносятся похабные песни, издалека звучат хлопки выстрелов и сирены заводов. Мой молчаливый сосед по ночам жалобно выл вполголоса и скреб ногтями дощатый пол, чем очень мешал мне уснуть. За окном ужасная мерзлая слякоть: утром лед, который днем нещадно перемалывается в грязную кашу, а ночью снова застывает. Деревья обессиленно опустили голые ветви к земле и ждут первых отзвуков тепла, что так упорно не наступает. Чтобы не разводить грязь и не нести ее в дом, солдаты набросали на землю многочисленные доски и прыгали по ним, как по мосткам. Впрочем, спустя пару дней, доски глубоко увязали в грунте, не принося должного эффекта, и от этой идеи отказались. Зато кратно возросла работа по чистке сапог, которой занимался я. Комендант выделил для этого дела банку засохшего гуталина, деревянный скребок и замызганную щетку. Во дворе организовали нехитрую платформу, куда солдаты послушно несли свою обувь. Когда из сапог выстраивалась очередь, я частенько путал – кому какие принадлежат, и нередко получал за это подзатыльники. И это вместо благодарности! Один из солдат и вовсе отказался признавать свои разношенные, худые сапоги и требовал вернуть ему целые, которых у меня, разумеется, не было. Благо комендант увидел, как разозленный мужчина припечатал меня к стене, и, быстро разобравшись в ситуации, отправил его восвояси. Впрочем, несмотря на чистку сапог, от непосредственных обязанностей помощника пова-

ра меня никто не освобождал: чистил картошку, носил и нарезал продукты, отрезал головы рыбам, мыл и вытирал посуду после обедни, выносил мусор – в общем, прямых обязанностей хватало. Так набегаешься за весь день из тепла в холод, продрогнешь на ветру, ноги промочишь в талом снегу и с нетерпением ждешь вечера, когда можно будет забраться в свою импровизированную крепость на чердаке, закрыться покрывалом и ловить ускользящее тепло, вспоминая родную деревню.

– Почти как у нас в коровнике, – глубоко зевнул Петр.

Вытянув озябшие руки к огню, Леонид тягостно покачал головой. Его рассказ походил на возвращение к пепелищу давно сгоревшего дома, где осталась лишь живая память, не способная отразиться в истлевшей действительности.

– Частенько мыл полы на первом этаже, радовало, что туалеты чистить меня не заставляли, вероятно, смекнув, что помощнику повара иметь дело с нечистотами не самое лучшее занятие. В один из дней к нам на территорию дома вошел священник: на дворе мелкий ледяной дождь, что неприятно колет глаза, и уже привычная грязь. Священник, как брезгливая барышня, поднял полы своего подризника и аккуратно ступал между луж. Служителя церкви провожали до дома двое солдат. Доведя батюшку до порога, его передали двум другим охранникам с чистыми сапогами. Один из встречающих слегка поклонился и сделал еле заметный жест рукой, похожий на крестное знамение. А ведь пройдет еще каких-то

десять лет и эти молодцы будут рушить храмы и ставить к стенке прихожан. Но сейчас все еще просто присматривались и пребывали в состоянии отстраненного безразличия. Я креститься не стал, а через несколько минут меня позвали солдаты играть с ними в карты. Так я и встретил девушек. В отличие от нас, их вели всего два охранника, и разглядеть барышень было нетрудно. Несмотря на уличный холод и теплую одежду, они выглядели все также элегантно и держались очень достойно. Меня пробрала дрожь: такие светлые и чистые лица, словно чуждые всей мирской грязи среди пепельно-зеленого сумрака. У некоторых из них на ушах, словно застывшие капли, висели бриллиантовые серьги. Когда бы я еще смог увидеть таких дам? Да никогда! Не глядя в нашу сторону, они прошли вглубь здания: один охранник впереди, другой сзади. Сдающий карты подмигнул мне.

– Зачетные бабенки!

– Меня возмутило такое обращение, но я промолчал и, смотря барышням вслед, думал: а ведь и вправду – это иные люди, чего их все так невзлюбили? Не всем же быть такими пыльными и грязными, как мы. После приезда девушек подвезли оставшиеся вещи семьи: сменную одежду, саквояжи со всякой мелочью, медикаменты, канцелярию, ящик с книгами, иконы, мягкие игрушки и прочий на первый взгляд ненужный, но такой важный сердцу скарб. Часть вещей была заперта в крепкие сундуки, и определить их предназначение не представлялось возможным. В итоге: вещей не так много,

и они не такие тяжелые, потому мы с солдатами быстро перетаскали их в дом, один сундук отнесли к сараю.

Первое время жили очень даже неплохо: охрана только запрещала выходить за пределы ограждения усадьбы. Но, к счастью, на ее территории располагался неплохой сад, где можно было беспрепятственно гулять. Со мной обращались вполне нормально, я даже завел себе нескольких товарищей среди солдат. Один из них подарил мне боевой патрон на память, учил, как надо чистить и заряжать ружье. Спал я, по-прежнему, на чердаке на старой и потрепанной циновке среди покрытого паутиной хозяйственного инвентаря. Ощущение близости благородных особ приносило особенное замирание сердца: где-то подо мной, на нижнем этаже ложились спать эти прекрасные девушки в белых накрахмаленных сорочках. Вокруг беспокойно, но наш дом полон охраны, и я точно знал, – Леонид опустил голову, – они защитят семью. Когда девушки собирались к обеду, я, выполняя свои нехитрые кухонные обязанности, тайком любовался ими. Не помню в своей жизни, чтобы я когда-то так вглядывался в человеческие лица, пытался рассмотреть каждую ресничку и родинку – каждый незначимый нюанс. Задерживался на кухне до последнего, пока меня насильно не выгоняли. Кормили благородных особ обычной безыскусной едой: каши, картошка, жидкие супы, зачастую черствый хлеб, рыба, реже мясо. Ни о каких десертах, кроме сортовых побитых яблок, не шло и речи. В стране голод – тут не до изысков. Тем не

менее солдат и прислугу кормили еще хуже, и семья нередко оставляла часть порций своим охранникам. Подобный жест отнюдь не выглядел, как подачка с барского плеча. Он сближал жильцов на уровне простого человеческого участия, напоминая, что по обе стороны караула остаются живые, уставшие люди. В этом молчаливом обмене было не столько великосветское благодеяние, сколько тихое, почти стыдливое сочувствие к тем, кто волей судьбы оказался их случайным тюремщиком.

Тем временем, о четырехметровые жерди забора нашего убежища нещадно бились волны пенящейся жизни нового времени: по проспектам проносились битком набитые грузовики с солдатами, доносились звуки демонстраций, по улицам толпами проходили встревоженные люди, у Вознесенского храма на скорую руку открыли базар, где продавали картошку, водку и табак. По всему побережью реки, что протекала близко от нас, с утра до ночи сидели рыбаки, крайне часто случались драки – места всем не хватало, кто-то постоянно пытался занять чужой участок, ходили слухи, что городские власти и вовсе начали продавать лучшие рыболовные точки. Каждый день самый молодой из солдат бегал за газетами. Читать умели не все, но те, кто умел, с важным видом делились с остальными животрепещущими новостями. Печатались многочисленные плакаты и брошюры, которые насильно раздавали особо активные граждане. Впрочем, пару раз получив убедительный отказ посредством ружья,

направленного в их сторону, активисты стали обходить наш дом стороной. Знало ли население, кто именно содержится здесь, – мне было неизвестно. Дом находился в строгой изоляции, как своеобразная тюрьма, где помимо заключенных, были заперты и надсмотрщики. Охране строго-настрого запрещалось покидать свой пост. На волю выходили только начальство и малочисленные группы, ответственные за обеспечение. Гости допускались в дом исключительно по заранее согласованным спискам. Однако, один незнакомый человек с пышными гусарскими усами, все же бывал у нас. Облаченный в темно-синюю рубаху грубого покроя, он грузно зашел во двор. Вначале охрана встрепелась, но потом, очевидно узнав гостя, покорно расступилась. Усач требовал встречи с узниками, но даже его не удостоили сей привилегии. Он долго разговаривал с начальством. Разговора я не слышал, но меня тогда поразило, что солдаты внимают какому-то штатскому, похожему на простого крестьянина или ямщика. От присутствия этого человека делалось не по себе: говорил он негромко, размеренно, с нескрываемым акцентом на оканье, но по-своему громогласно. В чертах гостя сквозила какая-то незыблемая уверенность и покой. Последнее, что я смог слышать от незнакомца, когда он уже стоял у ворот дома, – это слова, которые показались мне необычными:

– Вы только глупостей не наделайте!

Вечером, лежа у себя на чердаке, я все думал: а что может такого натворить охрана? Их дело охранять. Заскрипели по-

ловицы, и открылся чердачный люк. В помещение забрался мой сосед. За собой он тянул какую-то рыжую девку в желтом клетчатом платье, красном платке и тяжелых сапогах с обмотками. Нежданные гости не заметили меня и прошли в самый угол чердака, где оконный свет терял свою резкость, но все еще хранил ясность фигур. Девушка любопытно зыркала глазами по сторонам, послушно сложив руки на колени. На вид ей было лет двадцать: пухлолицая, со вздернутым носом, вся в крупных веснушках, со сбитыми в кровь коленками, на шее облезлые рябиновые бусы. Солдат буднично попросил ее раздеться и крепко взял за грудь, так, что после остались красные следы.

– Тебе страшно?

– Нет, – смотрела она рыбьим взглядом на солдата.

– А мне страшно, – продолжал с усилием мять грудь девушки мой сосед.

– А почему? – попыталась она поцеловать его в шею.

– Не надо, – закрываясь от поцелуя, поднял левый воротник солдат.

Девушка перестала целоваться и продолжила молча сидеть, от скуки, став ковыряться в носу. Солдат глубоко наклонился к ней, чтобы поймать взгляд девушки.

– А ты из пулемета стрелять умеешь?

– Пулемета? – вздрогнула она от боли в груди.

– И я не умею, – поник всем телом он.

Так они и просидели в углу целый час. Затаив дыханье, я

наблюдал за «влюбленными» из импровизированной бойницы своих баррикад. После неожиданного визита смог заснуть лишь в полночь. Утром, на выходе из дома, меня встретили четверо рабочих с мотками колючей проволоки на плече: ей укрепляли обороноспособность забора, протягивая по периметру. Дом все более и более стал походить на тюрьму.

Больше, на протяжении нескольких недель, ничего примечательного не происходило, лишь монотонное и тягостное процеживание времени сквозь сито памяти. Редко я видел отца семейства: он больше всех изнывал от скуки и невозможности вести активный образ жизни. Очевидно, в его высокопоставленную бытность, мужчина любил совершать послеобеденный моцион, выезжать на всяческие смотри и мероприятия. Мне удалось заметить, что каждый день, когда вся семья еще не заполнила сад, он подтягивался на крупной ветке березы. Я насчитал семь подтягиваний за раз. Этим же вечером я, с легкостью, побил его рекорд, – Леонид мучительно ухмыльнулся, – заприметив эту нежелательную вольность, через неделю солдаты спилили ветку, и мой рекорд так и остался не взят.

Девушкам разрешили вместе с поваром выпекать хлеб, и у меня появился очередной повод лицезреть этих прекрасных особ: их белые руки, тонкие пальчики, ровные спины, аккуратно убранные в платочки волосы. Парящая вокруг мука, словно легкая цветочная пыльца, покрывала их изящные лица и предплечья. Хлеб у девушек получался весьма непло-

хой, и они искренне радовались, что не сидят без дела, а приносят пользу. Особенно мне приглянулась самая мелкая девчушка, которая частенько шалила на кухне и неустанно веселила своих сестер, как маленький бесенок. Комендант лично попросил меня приглядывать за девушками и, по необходимости, исполнять их мелкие кухонные поручения, чему я был несказанно рад. Впрочем, девушки все делали сами, даже таскали воду и дрова для печи, которую самостоятельно и растапливали. Я с радостью соглашусь, если нашего повара заменят на них. Игнорируя строгий запрет, сестры часто заговаривали с охраной, будто невзначай обмениваясь парой фраз у лестницы или в дверях коридора. Молодым красногвардейцам, вчерашним рабочим и студентам, льстило внимание красивых девушек, и они, краснея и путаясь в словах, с готовностью отвечали на приветствия и неловкие вопросы. Такое общение быстро становилось для них единственным светлым пятном в долгих, однообразных часах караула. Заприметив эту вольность, комендант начал часто менять особо лояльных солдат.

Из глубин болота зазвучала губная гармошка: кто-то из солдат решил порадовать забытое богом место диковинными звуками музыки – чудно, мимолетно и отчаянно, как свобода. Что-то в этом было особенное, о чем и не сказать вовсе.

– Знакомая мелодия, не находишь? – прислушался командир.

– Да, что-то знакомое, – соглашался Петр.

– Не могу вспомнить никак. Вертится на языке, а слова не идут, – стал тихо напевать Леонид, – ты не вспомнишь?

– Доиграет, спросите у него, – отрезал Петр.

– Да я сам хочу вспомнить, что-то про дорогу, кажется, едут, свистят, – нет, затряс головой Леонид, – слова не идут и снова перевел взгляд на Петра.

– Пока семья находилась на послеобеденной прогулке, мне и еще одному солдату поручили забелить все окна в их комнатах – якобы для дополнительной конспирации и безопасности. Поначалу я воспринял это как очередное нехитрое задание и не нашел в нем ничего плохого. Но когда мы покрыли первые пару окон толстым слоем побелки, я осознал свою ошибку: после окончания работы вся семья будет жить, словно в склепе! Но пути назад уже не было: за выполнением работы строго следил командир, не допускавший возражений. Бросить кисть и уйти было чревато побоями, впрочем, больше я боялся не побоев, а уронить свой авторитет добросовестного работника в глазах охраны. Потому пришлось сжать зубы и молча белить. Нормальных кистей не нашлось, и мы возили по гладким стеклам практически ваксой. Но извести было много, и все огрехи качества восполнялись количеством. Спустя полчаса работы мы уже все извозились в побелке и, что самое печальное, замарали часть вещей, которые принадлежали семье. Заканчивали уже в полутьме. Когда я шел обратно, то, как назло, встретился со всей семьей. Они были явно обескуражены увиденным и расте-

рянно смотрели по сторонам, послышались взволнованные вздохи: «Как мы теперь без света?» А во всем был виноват я, что не только лишил девушек солнца, но еще и забрызгал побелкой их вещи. Проходя мимо них, я был готов провалиться сквозь землю. Не знаю, смотрел ли кто-то в мою сторону или нет, так как я, будто застигнутый врасплох воришка, максимально опустил голову и поспешил удалиться.

Моего дядьку и его товарища куда-то вызвали, и они, наскоро собравшись, покинули дом, даже не успев попрощаться. Так я остался один, что меня не слишком расстроило, так как у дядьки все равно не было на меня времени и за советом я мог обратиться к нему едва ли.

В один из дней мой негласный товарищ среди солдат, который подарил патрон, стал учить меня стрельбе из винтовки, мотивируя это тем, что в такое время даже мальчишка должен постоять за себя. Кулаками постоять за себя я вполне мог, а вот оружие в руках никогда не держал. Возможно, именно тогда проклюнулись первые ростки моей воинской службы.

Он навел ружье на воткнутую в землю лопату, на которую повесили потрескавшуюся крынку, и стал объяснять мне, как сопоставлять целик и мушку, чтобы качественно поразить цель. Как сейчас помню: мушка вровень с краями целика, приклад плотно прижимается к плечу, руки ходят свободно, но уверенно, левую руку аккуратно под цевье, локтем не трясси, курок жми плавно, но без медлительности – иначе

прицел потеряешь, от выстрела не вздрагивай!

Петр почтительно кивал, задерживаясь на каждом слове.

– Здравый инструктор, я бы еще добавил, что при выстреле дыхание на замке, хотя, – почесал шею он, – все это не имеет значения, когда у тебя не хватает духу нажать на курок.

– Стали учиться заряжать и стрелять, сначала холостыми, а потом солдат предложил мне выстрелить боевым, со словами: «Стрелять боевыми – это как баб трясти, тут только практика!» Почему-то я до сих пор все это помню. Получив заветный патрон, я деловито зарядил его в трехлинейку и радостно направил дуло в сторону крынки. Солдат положил руку на ствол и предложил более интересную мишень.

– По банкам стрелять – одно баловство!

– А куда?

– Вон видишь, воробей по крыше прыгает, попадешь?

– Он ведь живой, а мы просто тренируемся... – Замер с ружьем я.

– Кто держит в голове такую чепуху, – взялся он за ствол, – тем и нечего оружие в руки брать!

– Нет, я выстрелю, – твердо заверил я.

Я знал, что попаду, и специально увел целик на два пальца выше – так, чтобы попасть в печную трубу. Солдат не заметил моего маневра. Грянул выстрел, от трубы откололся кусок кирпича и прогремел по крыше. Воробей вспорхнул и улетел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.